

УДК 94:325.3(73)

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВА
КОЛОНИАЛЬНОЙ ВИРГИНИИ (1607-1680 ГГ.)**

Востриков П.В.

В данной статье автор рассматривает основные вехи формирования общества колониальной Виргинии. Социальная эволюция была болезненным процессом. Социальная иерархия, принятая в Англии, которую пытались воспроизвести лидеры Виргинской компании, не сложилась, демографическая ситуация была сложной. Лишь к 1680-м годам белое общество Виргинии консолидировалось. Его особенностями были: плантационное рабство, правление джентри, преобладание табака как основной культуры в экономической жизни колонии, расовая солидарность белого населения. При этом коренные жители были оттеснены с их исконных земель и не являлись частью виргинского общества.

Ключевые слова: колонизация, социальная иерархия, социальная трансформация, джентльмены, джентри, кабальные слуги (сервенты), йомены, средний класс, рабство, табачные плантации, демография, консолидация элиты.

**SOCIAL FORMATION
OF COLONIAL VIRGINIA (1607-1680s)**

Vostrikov P.V.

In this article the author marks the main stages of the formation of colonial Virginia society. Its social evolution was a painful development. The traditional English social hierarchy, which the leaders of the Virginia Company tried to replicate, failed as Virginia's demography remained in a deplorable state for decades. Only in the 1680s the white society of Virginia consolidated. Characteristic features of colonial Virginia were plantation slavery, rule of gentry, tobacco as the major staple in the economy and racial solidarity of the white population. The native inhabitants of Virginia had been driven away to the West from their lands and did not make any part of its society.

Keywords: colonization, social hierarchy, social transformation, gentlemen, gentry, indentured servants, yeomen, middling sort, slavery, tobacco plantations, demography, consolidation of the colonial elite.

В английском обществе начала XVII столетия доминировала небольшая прослойка аристократии и более многочисленный класс купцов, зажиточных йоменов и клириков, многие из которых разделяли убеждения о необходимости строгой общественной иерархии, основанной на статусе и материальном благосостоянии, и стремились навязать свои взгляды остальной, бедной части населения. Джентльмены идеализировали такую общественную стратификацию, и консервативные мыслители, подобные Джону Уинтропу, утверждали, что высшие, средние и низшие классы были связаны взаимными обязательствами: «Всемогущий Бог так устроил человечество, что во все времена некоторые должны быть богатыми, а другие бедными, одни люди наделены богатством и властью, другие занимают низшую нишу и находятся в подчинении» [55, р. 33]. Король управлял своими подданными той же властью, которая была свойственна отцу семейства, стоявшему в его главе [20, р. 14-15].

Исследователи описывают английскую социальную систему в период английской колонизации как «иерархию орденов или степеней». Некий обыватель, подписавшийся Томас Уесткот, писал, что в Девоне в 1630 году существовало четыре подобные степени: 1) нобилитет или джентри; 2) йомены; 3) купцы; 4) наемные работники [26, р. 383]. Существовало немало других, более изощренных описаний общественной структуры, а также и красочных метафорических картин социологического ландшафта. В 1699 году английский землевладелец Ричард Ньюдигейт сравнивал устройство общества с пейзажем в его родном Варвикшире. Простой народ уподоблялся траве, что росла в полях. Дворяне и джентри были деревьями, которые возвышались над травой и накрывали ее своей тенью. А духовенство было представлено вишенками на этих деревьях [26, р. 382]. Такие идеи патриархальности могли и не разделяться представителями других слоев населения, где бытовал более эгалитарный

взгляд на общество и семью. Представители правящего класса, однако, не могли позволить себе проявление благосклонного и покровительственного отношения к низам, существующего лишь в теории, а, скорее, боялись бедноты и презирали ее. Менее чем половина бедноты была устроена в качестве слуг и работников, остальная часть, куда входили и бродяги, и немощные старики, требовала жесткого контроля и принудительных мер. Население Англии стабильно росло и никакие законы не могли решить проблемы безработицы и бродяжничества, поэтому колонизация виделась для джентльменов способом избавить Англию от «лишних людей». В колониях джентри намеревались воспроизвести английскую социальную модель в миниатюре [37, р. 46].

После нескольких неудачных попыток обосноваться в Новом Свете, самой известной из которых стала исчезнувшая бесследно колония Роанок на территории современной Северной Каролины, первое постоянное английское поселение в Америке – Джеймстаун было основано лондонской Виргинской компанией в устье реки, названной колонистами Джеймс в районе залива Чезепик в 1607 году. Колонией первое время руководили губернаторы и Совет, члены которого назначались Виргинской компанией Лондона. Король являлся сувереном над всеми колониями, поэтому торговые компании имели обязательство отчислять пятую часть от добычи драгоценных металлов. Землевладение устанавливалось в виде «свободного сокеджа», это был тип льготного феодального держания, приближенный к традиционному английскому частному землевладению [6, с. 18; 8, с. 25-26].

Колонисты познали суровые времена: жизни многих унесли болезни, нападения враждебных индейцев, а главное, страшный голод, доводящий порой до каннибализма и уничтоживший большинство первых поселенцев, которые не были приспособлены к климатическим и иным реалиям Нового Света. Из 500 человек, прибывших осенью 1609 года, до весны 1610 года дожили только 60 [5, с. 29]. И в том же 1619 году в Виргинию были доставлены первые рабы. Ростки представительной демократии и рабство появились одновременно, что очень символично, и эти два события определили на более, чем два столетия

общественный и политический облик Виргинии, а в дальнейшем – всего Юга [10, с. 8-9].

Спустя два года после восстания индейцев 1622 года Виргинская компания по причине своей малой эффективности была расформирована, и Виргиния приобрела статус королевской колонии, так что теперь король Яков I стал назначать губернаторов и членов Совета. Особый комитет советников в Лондоне был уполномочен следить за положением дел [6, с. 22-2331; p. 277]. Рост производства табака обеспечил экономическое процветание колонии, несвободное, впрочем, от кризисов, но не способствовало основанию городов и развитию производства. Социальная стратификация колониальной Виргинии выстраивалась постепенно в соответствии с традиционными английскими представлениями и под влиянием местных экономических, климатических и антропологических особенностей. Надежды Виргинской компании, что в Чезепикском заливе будет воспроизведена социальная иерархия домашнего образца, поначалу не оправдались. Хотя и многие представители класса джентри переехали в Америку с первыми поселенцами, смерть не щадила никого, а те, кто остались в живых, были разочарованы трудностями жизни в Виргинии и принимали решение вернуться, а новые партии джентльменов долго не прибывали [37, p. 31].

В 1617 году Джон Рольф нашел источник потенциального экономического оживления колонии – табак сорта «ориноко, вид, который был завезен из Карибского региона и имел более тонкий аромат [18, p. 39-41; 31, p. 233-234; 39, p. 33-44]. «Веселящий сорняк» определил на весь колониальный период характер как экономики, так и социологии колонии. Возделывание табака создало особый тип общества, в котором в конце XVII века возникло значительное неравенство между правящим классом джентри и беднейшими слоями населения, состоявшим из двух категорий эксплуатируемых – белых кабальных слуг и черных рабов, которые к началу XVIII века стали основной дешевой рабочей силой. Достаточно значительную прослойку стал представлять средний класс независимых фермеров [14, p. 37-38].

Для представления характера иммиграции в тот период можем привести в пример сохранившиеся сведения о пассажирах судна «Энн и Баунти Бесс», прибывшего в Виргинию в 1623 году. На борту было 10 представителей класса джентри, пять плотников, два столяра, бочар, каменщик, три скобельщика, портной, стекольник, изготовитель свечей, ювелир, бакалейщик и студент из Оксфорда [32, р. 263-264]. Род занятий отражал в какой-то степени ожидания вновь прибывших колонистов, можно было предположить, кем они видели себя в новом мире. То есть, джентльмены претендовали на роль воинов и администраторов, изготовители париков и портные должны были обслуживать повседневные нужды лидеров, а плотники и каменщики являлись строителями поселений; присутствие ювелира символизировало надежды представителей виргинской компании отыскать месторождения драгоценных металлов. Представители элиты помимо исполнения управленческих функций становились торговцами, плантаторами и важными людьми на флоте и связь между ними была очень тесной [32, р. 264]. Незначительную часть эмигрантов (около четверти) составляли свободные обеспеченные люди, способные оплатить свое путешествие. Их благосостояние и род занятий были разнообразны. Многие были квалифицированными ремесленниками, мелкими торговцами. Часть из них обладала материальными средствами достаточными для приобретения земли и участия в торговых операциях. Таковых было меньшинство, но, наделенные экономическими и политическими преимуществами с самого начала, они стали видными плантаторами, судьями, членами колониального совета [22, р. 41-49; 48, р. 144]. М. Кэмпбелл отмечала, что в колониальных архивах сохранились упоминания о прибытии в Виргинию лишь видных и значительных иммигрантов, об остальных лишь свидетельствовала пометка «и прочие». Но эти «прочие» составляли, судя по спискам пассажиров, подавляющее большинство новых жителей колонии. В описаниях социальной структуры общества историки сталкивались с этой неопределенностью, поэтому допускали для себя широкие интерпретации [3, с.29]. Например, супруги Браун писали: «Судя по отчетам современников и

прочим документам, общество Виргинии можно поделить на три класса – высший, средний и нижний, но различительные линии между ними провести сложно [21, p. 57]. Моррис Талпалар справедливо отмечал, что в отношении иммиграции представители разных социальных слоев, как-то: джентльмены, деревенские йомены, городские ремесленники, неквалифицированные работники, попадали в две основные категории: либо тех, кто был способен оплатить свое собственное путешествие в Виргинию (свободные люди – *freemen*), либо это были люди, не имевшие средств для этого, следовательно, они являлись подневольными людьми (*bondsmen*) [47, p. 23].

У. Биллингс, Дж. Селби и Т. Тейт в своем коллективном труде «Колониальная Виргиния: История» выделили четыре группы фрименов. Первую категорию составлял подкласс (*underclass*), куда входили свободные, но самые бедные, часто не имевшие постоянных занятий и места жительства обитатели колонии. Но, по крайней мере, как люди свободные, они имели право голоса до 1670 года. Следующую группу составляли мелкие фермеры. Они, как правило, обладали небольшим наделом земли, на котором они пытались выращивать табак. Иногда это были наиболее удачливые бывшие сервенты. Мелкие фермеры редко занимали общественные должности и участвовали в местной политической жизни. Фермеры-середняки покидали Англию, имея уже достаточный капитал и связи. У них были перспективы, чтобы улучшить свое положение с помощью связей (удачной женитьбы), участия в политической жизни (многие из них добивались членства в Доме бургесов). Фермеры-середняки были фундаментом виргинского общества, связующим звеном между нижним и верхним слоем. Представители семейств Ли, Картеров, Бёрдов, Ладвеллов, Вормли, Блэндов, Мейсонов, Вашингтонов и других семейств, тех что составляли основу плантаторской аристократии революционного поколения имели почти вековые корни в Виргинии. Развитие и консолидация этого класса начались незадолго до 1670-х годов. Используя все свои изначальные преимущества, они пробились к вершинам социальной иерархии колониального общества, приобретая богатство, политическое

влияние, семейные связи, составляя достаточно замкнутый олигархический круг [18, p. 58-59].

Историк Куртис Неттлз предложил более подробную классификацию страт, которую мы можем взять за основу. Высший класс был представлен крупными плантаторами и торговцами, и эти две группы очень зависели друг от друга. Сюда же входили высокооплачиваемые представители различных структур колониальной администрации, которые, впрочем, постоянно пребывали в метрополии. К среднему классу относились священники, фермеры среднего достатка, учителя, мелкие торговцы, лавочники, ремесленники, державшие кабальных слуг, капитаны судов, то есть это были люди разных типов занятий, приносивших им стабильный доход. Представители этой группы стремились подражать манерам, одежде, образу жизни аристократии, хотя и не имели средств для достижения этого, и испытывали чувство превосходства по отношению к низам. Фермеров и ремесленников Неттлз поделил на три группы:

Это фермеры, обладавшие участком в пределах 1000 акров, эксплуатировавшие труд поденных рабочих и кабальных слуг; ремесленники высокого уровня квалификации: судостроительные мастера, мельники, обувщики, мебельщики, портные, кузнецы, ткачи, шляпники и т.д. Это были люди, обладавшие некоторыми средствами, сумевшие за свой счет обосноваться в Виргинии и добившиеся своего положения за счет упорного труда и некоторой доли везения. К этой группе принадлежали и некоторые сервенты, получившие свободу.

Далее шли фермеры со 150 и менее акров земли, иногда они пользовались трудом поденщиков. Их имущество состояло из инструментов и домашнего скота. Как правило, это были бывшие сервенты с укоренившейся психологией должников. Они стремились к уединению и экономической независимости, которую они обеспечивали тяжелым трудом; 3) Фермеры-кочевники и фермеры-арендаторы, со временем приобретающие возможности для оседлой жизни. Их, скорее, можно назвать наемными рабочими, которые постепенно набирали достаточно средств, приобретали небольшой участок и становились

самодостаточными мелкими фермерам [41, р. 314]. Независимые фермеры (йомены) составляли значительную часть свободного населения Виргинии. Они обладали большой мобильностью и были пионерами в освоении приграничных земель [43, р. 57-58]. Луис Б. Райт писал: «Весьма значительная для экономики Виргинии и Мэриленда прослойка – фермеры-йомены обладали определенным политическим влиянием, ибо они принимали участие в работе народных ассамблей и занимали незначительные политические должности. Независимость их духа являлась для крупных плантаторов постоянным предостережением, что они не должны ущемлять их права» [56, р. 72].

Внизу социальной структуры находились белые кабальные слуги и черные рабы. Кабальные слуги принадлежали к следующим категориям:

1) Сервенты, которые отрабатывали по трудовому контракту стоимость своего переезда через Атлантику. Процесс первоначального накопления капитала лишал огромную массу крестьянства земли, оставлял без работы десятки тысяч людей, обрекал их на нищенское существование, а то и голодную смерть. И таких было десятки тысяч. Для них переезд в Америку мог представляться единственным выходом, также оказывала действие мощная пропаганда вербовщиков. Сервенты такого типа подписывали кабальные контракты еще в Англии.

2) Так называемые редемпшенеры (*redemptioners*). Эта категория сервентов при посадке на судно, направляющееся в Америку, подписывая контракт, скрепляла себя обязательством, что в Новом Свете они смогут сами найти себе хозяина и, продав ему себя, смогут вернуть судовладельцу или вербовщику деньги за путешествие. В случаях, когда в оговоренное время не удавалось это сделать, то владелец корабля или агент-вербовщик могли продать его на аукционе. Редемпшенеры имели некоторую степень свободы в выборе своих хозяев и даже могли торговаться насчет более приемлемой цены. Кроме того, среди них были люди, имевшие некоторое образование, они поступали на службу к юристам или врачам, с целью обучения профессии. Все ученики рабочих специальностей также именовались сервентами [53, р. 163].

3) Осужденные, бродяги, похищенные подростки и молодые люди без определенного рода занятий. Колонисты часто выражали протест против высылки заключенных в Виргинию, так как последние привозили с собой дурные наклонности и привычки [41, р. 314]. В апреле 1670 года вышел закон, направленный «против переселения таких скандальных и опасных личностей, так как из-за этого мы потеряли свою репутацию» [27, р. 2077].

Основная тяжесть деревенского труда в XVII веке легла на плечи белых кабальных слуг. Это группа колонистов составляла три четверти эмигрантов: 90 000 из 120 000 человек. По окончании срока хозяин предоставлял некоторое количество одежды, еды и инструмента, а в первой половине столетия еще и 50 акров земли [11, с. 40]. До 1620 года многие из сервентов были переселены в Виргинию насильно. Многие нищие, бродяги, безработные отлавливались и насильно отправлялись в Виргинию вместе с заключенными, где призваны были восполнить недостаток рабочей силы [19, р. 130]. Многие молодые неженатые сельские жители поначалу безуспешно странствовали в поисках работы, пока не оказывались в каком-нибудь портовом городе, после чего, поставив крестик вместо росписи, попадали на корабль, и далее их ждало многонедельное изнурительное путешествие в Чезепикский залив. Люди находились на транспортировочных судах в условиях тесноты, плохого питания и антисанитарии [11, с. 4]. Женщин среди них почти не было. Это обстоятельство, а также высокий уровень смертности от голода и непривычных болезней несколько десятилетий оставляли демографическую ситуацию тяжелой и приносили колонии дурную славу, несмотря на весь оптимизм рекламной литературы [31, р. 24-26].

И хотя эмиграция была массовой, население колонии росло незначительными темпами. Тяжелый труд, влажность, жаркое солнце, непривычные для англичан болезни были причиной высокого уровня смертности. Причем плантаторы старались поддержать в них жизнь, редко прибегая к телесным наказаниям, считая, тем не менее, что только страх и боль смогут мотивировать их. Положение сервентов было невыносимо тяжелым, их

права постоянно нарушались. Если дело доходило до разбирательств, то судьи, которые сами были землевладельцами, почти всегда принимали сторону хозяев, если те, например, отказывали сервентам в еде и одежде. Вместо наказания хозяев суды стремились дисциплинировать непокорных сервентов, своими постановлениями увеличивая кабальные сроки службы. Если же слуги совершали побеги, что было распространено, их срок мог быть увеличен в два раза, а то и в пять. А если служанка рожала ребенка, то она должна была компенсировать медицинские расходы и упущенное рабочее время дополнительными годами подневольного труда [47, р. 308-311; 49, р. 48-53]. Были приняты строгие законодательные меры по закреплению кабальных слуг за хозяевами на срок от 3 до 7 лет и недопущению уклонения от своих обязанностей [2, с. 17].

По истечении срока контракта, бывшие сервенты сами могли приобрести землю, начать выращивать свой табак, и таким образом, сами имели возможность стать плантаторами. По мнению некоторых исследователей, социальная мобильность такого типа, несмотря на тяготение к иерархии, приводила к появлению более эгалитарного общества, чем в Англии [37, р. 30-32]. Как отметил историк Даниэль Бурстин, «для того, чтобы приобрести в такой молодой, как Виргиния, стране силу и влияние, еще не было необходимости расталкивать локтями других» [4, с. 125]. Но это, скорее, преувеличение, выданное представителем консенсусного направления историографии, стремившегося преуменьшить роль конфликта в истории США. К тому же период такой социальной мобильности, когда кабальные слуги могли продвинуться по социальной лестнице и войти в колониальную элиту, был весьма непродолжительным. И уровень смертности был очень высок, так что немногие доживали до окончания контракта. Подавляющее большинство выживших кабальных слуг после окончания срока службы оставались без земли, без специальности, в лучшем случае с некоторой денежной суммой, их судьба остается во многом неясной, они могли стать моряками, батраками, надсмотрщиками за рабами [2, с. 19].

В число свободных эмигрантов попадали люди преимущественно целеустремленные и волевые, достаточно жесткие, готовые преодолевать трудности. Они сознавали, что они прощаются с родиной, где они не смогли реализовать свой потенциал, навсегда, что они отправляются в неизведанную землю, где им придется начинать строить новую жизнь в борьбе с дикой природой. Для правящей верхушки Англии эмиграция была явлением положительным. Элита стремилась извлечь из этого явления максимум выгоды [12, с. 227]. В освещении многих американских историков состояние Виргинии в период, предшествовавший правлению губернатора Уильяма Беркли (1641-1652; 1660-1677), характеризуется как крайний беспорядок и анархия. Б. Бейлин, Э. Морган и Т.Х. Брин отмечали хаотичный индивидуализм и хроническую политическую нестабильность. Джеймстаун описывался как первый американский Клондайк, где «табак имел эквивалент золота». Доморощенная элита была жесткой, представляла собой напористых и амбициозных людей [15, р. 94-98; 19, р. 110-117; 38, р. 110-11]. Неудивительно, что виргинцы на начальном этапе своей истории были неуправляемы и склонны к протестам, бунтам, в чем историки видели их отличие от более организованного и изначально проникнутого объединяющей идеей пуританского сообщества в Новой Англии [32, р. 334]. Члены Генеральной ассамблеи решительно сопротивлялись всем королевским проектам, которыми правительство надеялось поправить свое финансовое положение за счет торговли табаком, а в 1635 виргинцы даже изгнали губернатора Джона Гарви из колонии, после того, как он попытался провести очередные королевские ордонансы. Король вернул Гарви в Виргинию, но не дал ему солдат, и губернатор был бессилён что-либо изменить и фактически был на положении ссыльного [6, с. 26; 8, с. 147-166].

Пребывавшие наверху иерархической лестницы землевладельцы и чиновники определяли характер взаимоотношений между общественными стратами в различных сферах жизни. Все общественные группы также претерпели значительные изменения по причине относительно высокого

уровня социальной мобильности. Например, в 1629 году из 44 бургесов не менее семи были зарегистрированы в качестве сервентов в 1624 году [54, р. 73; 46, р. 47]. В середине XVII столетия Чезепик стал казаться более пригодным для проживания местом, и больше сервентов сумели преодолеть порог выживания. Здоровье колонистов несколько улучшилось из-за того, что многие стали продвигаться вглубь полуострова, подальше от источников малярии, тифа и дизентерии, где были ручьи чистой воды и ниже влажность. Постепенно виргинские фермы превращались во фруктовые сады, а сидр был полезнее, чем застоялая солоноватая вода в предместьях Джеймстауна, содержащая бактерии. К тому же, со временем многие колонисты преодолевали свои болезни, привыкали к климату и приобретали некоторый иммунитет. Но все же улучшения эти были не столь впечатляющими, и колонисты имели гораздо меньшую продолжительность жизни, чем фермеры в Англии и демографическая ситуация была сложной [23, р. 136-137; 28, р. 6-7].

Из-за дальнейшего вытеснения индейцев с их земли после 1646 года со временем появилось много хозяйств в глубине Виргинии. Достигался определенный уровень процветания – выращивать табак было делом прибыльным. Быстрый рост фермерских хозяйств в приграничных районах не впечатлял, однако, английских наблюдателей, которые могли отметить их неухоженность, ведь освобождение земли от леса и обработка её, строительство заборов и примитивных домов проходило на скорую руку. Обугленные пни, например, не выкорчевывались, а оставались гнить среди кустиков табака [48, р. 144-146]. Скромные успехи мелких плантаторов доставались дорогой ценой. Перспективы создания семьи, передачи своего хозяйства наследникам были низки. Особенностью брачных отношений являлась их короткая продолжительность. Примерно в половине случаев один из родителей умирал в течение первых семи лет брака. Дети могли воспринимать родителей, как преходящее явление в их жизни. После смерти отца его место могло быть занято отчимом, дядей или даже другом семьи. Тем не менее, институт семьи не деградировал, а приобрел характерные формы, когда все оставшиеся в

живых родственники поддерживали тесную связь между собой и создавали одну большую общую семью. Браки поэтому заключались часто [18, р. 63-64; 32, р. 216-217].

Но даже и те возможности, которые представлялись колонистами благоприятными в первой половине века, стали исчезать к 1665 году, когда плантаторы уже заняли все земли вдоль судоходных рек, что вызывало продвижение новых свободных колонистов вглубь. Это означало бы большие затраты на транспортировку товара. Более богатые, уже состоявшиеся плантаторы получали при этом значительное преимущество, усиливалось неравенство, короткий период верхней социальной мобильности подходил к концу. Процветающие плантаторы все чаще воспринимали кабальных слуг как бесперспективных бездельников и потенциальных преступников. Во второй половине 1660 годов усилился налоговый гнет колониального правительства. Новые меры регулирования международной торговли, известные как Навигационные акты, целью которых было нанести урон голландским купцам, привели не только к трем войнам с Голландией, но и ухудшили положение виргинских колонистов. Акты требовали от колонистов использовать только английские корабли для торговли и доставки товаров исключительно в Англию [11, с. 63]. Голландские боевые корабли во время этих конфликтов появлялись в Чезепикском заливе и сжигали английские суда, груженные табаком, ухудшая и без того тяжелую экономическую ситуацию. Губернатор Уильям Беркли поддерживал наиболее богатых плантаторов. Его фавориты монополизировали наиболее престижные общественные должности, получали самые лучшие земельные наделы и имели преимущества в торговле с индейцами. В течение пятнадцати лет Беркли не допускал проведения выборов в колониальный совет, поддерживая только своих фаворитов, укрепляя, таким образом, и свое положение.

Бедные свободные колонисты при такой системе уже не могли становиться самостоятельными хозяйственниками и имели возможности только арендовать земли у богатых землевладельцев. И таковые составляли треть всего

виргинского населения к 1676 году, когда помимо прочих бед усилились атаки на приграничных колонистов со стороны индейцев Саскеханнок, из группы ирокезских племен [39, р. 228-234]. Конфликт разразился после того, как некие поселенцы убили вождей, пытавшихся договориться о мире. Эти индейцы были немногочисленны, но их тактика внезапных ударов по поселенцам с последующим исчезновением в глубине лесов оказалась эффективной. Поселенцы обратились к губернатору с петицией весной 1676 года. То была выраженная верноподданническим языком просьба снарядить карательную экспедицию [11, с. 55-56], губернатор, однако, не был в восторге от такого предложения, ведь он и люди из его окружения имели очень выгодную торговлю с вполне мирными приграничными индейцами из группы алгонкинов. Кроме того, Беркли не желал экспансии бедных белых колонистов. То есть, он опасался роста их самостоятельности, он предпочел бы видеть их батраками у богатых плантаторов. Индейскую проблему губернатор предложил решить с помощью постройки девяти новых фортов. Но это только бы усилило налоговое бремя на простых фермеров.

Испытывая разочарование в такой политике, простые виргинцы обратили свои взоры на Натаниэла Бэкона, двадцатидевятилетнего представителя семейства джентри, недавно оказавшегося в Виргинии. Он был двоюродным братом жены губернатора Беркли. Несмотря на то, что Бэкон по протекции Беркли занял место в колониальном совете, амбиции заставляли его помышлять об открытой оппозиции губернатору и его фаворитам. Возглавив недовольных, Бэкон повел их в атаку на индейцев, считая всех их врагами. Причем пострадали от этих вылазок дружественные алгонкинские поселения [39, р. 240-245]. Всем своим сторонникам из числа кабальных слуг Бэкон обещал свободу, говорил о снижении налогов и о большей доступности земли [9, с. 23; 11, с. 56-57]. Также Бэкон призывал грабить плантации богатых землевладельцев. Беркли обвинил Бэкона в измене. Популистские призывы и законотворчество Бэкона обеспечили ему популярность, и он собрал достаточно сил, чтобы заставить Беркли и его сторонников бежать из

Джеймстауна, который по приказу Бэкона был сожжен – дабы беглецы и не подумали возвращаться. Однако, спустя месяц после этого, Бэкон внезапно умер от дизентерии. Смерть лидера движения обрекла восстание на неудачу. Старейший, но негиббемый Беркли, получив подкрепление из Англии в виде небольшой флотилии, вернулся к восточному побережью, и бунт был подавлен. Многие были повешены. Но столь авторитарный стиль руководства виргинскими делами вызвал недовольство в метрополии, так что Беркли был отозван в Англию, где он, пережив жестокое разочарование, умер через год [3, с. 85-117; 6, с. 55-58; 18, р. 95-96; 39, р. 290]. Два периода правления Беркли имели достаточные различия. Если в начале он считался с интересами местной элиты и принимал демократические тенденции, то к концу второго периода он становился все более деспотичным правителем [7, с. 50].

Восстание Бэкона было переломным моментом в политическом и экономическом развитии Виргинии, это одно из центральных событий всей колониальной истории США, после которого усилилась концентрация власти в руках креольской, самовоспроизводящейся элиты. Изменилась политика в отношении индейцев в сторону более медленного, но неуклонного и жесткого стремления продвинуть границы на запад, а самое главное – основной рабочей силой постепенно стали рабы, а темный цвет кожи законодательно стал показателем низкого социального статуса [19, р. 144-147; 48, р. 151]. В связи с усилением расистских настроений в конце XVII столетия напряженность между богатыми плантаторами и бедными поселенцами также стала спадать. Эмиграция из Англии снижалась, благодаря улучшению в ней экономической ситуации. Историки называют цифру 18 тысяч эмигрантов в 1660 годы и 13 тысяч в 1680 годы [37, р. 39-42]. Некоторый экономический рост в Англии поднял уровень заработков, и при этом тревожные новости из Виргинии не способствовали стремлению бедняков искать счастья в Америке. А те, кто все же покидал Англию в эти годы, предпочитали другие колонии – Пенсильванию, Каролину, где жизнь на границе давала возможности, которых почти не было в Виргинии [32, р. 163]. В результате снижения уровня эмиграции в начале XVIII

века сервенты как подневольная рабочая сила стали занимать меньшую долю в общем числе работников. И значение института кабального рабства постепенно снижалось. В период с 1624-1625 годы было 507 сервентов на 1218 жителей – 41,6%. А в 1683 году было 12000 сервентов – 16 % населения [3, с. 33].

Хотя еще в 1619 году голландское торговое судно доставило в Джеймстаун первую партию африканских невольников, на протяжении первой половины XVII века рабство не было распространено, оно было редким и аморфным явлением, и негры подвергались примерно той же степени эксплуатации, что и белые. Негры в качестве рабов до последней четверти XVIII столетия не были заметны в экономике колонии. Они становились чаще не рабами, а кабальными слугами. Короткая продолжительность жизни делала приобретение черных рабов экономически невыгодным [16, р. 29]. Часто плантаторы позволяли сервентам приобретать свою собственность, например, домашнюю птицу, свиней, рогатый скот, небольшие участки земли под огороды, где они могли выращивать продукцию на продажу и со временем приобретать свободу. Становясь свободными, они покупали необходимые инструменты, наделы земли и сами становились мелкими плантаторами. Колониальные законы в то время не запрещали межрасовые браки. Наиболее успешным человеком из среды бывших негритянских кабальных слуг был Антони Джонсон, которому принадлежала плантация в 250 акров и один раб. Когда белые соперники увели у него этого раба, Джонсон обратился в суд и выиграл дело [48, р. 142-144; 53, р. 211]. Но в последующие десятилетия плантаторы стали активно прибегать к использованию рабского труда и рабство уже принимало более жесткие формы.

В 1650 году в Виргинии всего было около трехсот рабов, это было только два процента населения, а в 1700 году их число составляло уже тринадцать тысяч, это 13 процентов населения. А в период с 1701 по 1709 годы было доставлено около шести тысяч невольников, что было больше, чем все количество рабов, завезенных в XVII веке. К 1750 году в колонии было 150 тысяч рабов, и это составляло 40 процентов населения. Конец XVII – начало

XVIII вв. – это эпоха бурного роста рабовладения, черные рабы вытесняли белых кабальных слуг. Рабский труд на плантациях был более дешевым. Небольшие хозяйства стали испытывать большие трудности [4, с. 127]. Джентри принимали более строгие законы, направленные как против рабов, так и против свободных негров. Например, в 1690 году было предписано наносить тридцать ударов плетью по спине раба, который угрожал белому или ударил его. Были запрещены браки между белыми и черными. Виргиния стала первой колонией, где были созданы законодательные кодексы в отношении рабов, за ней последовали и другие южные колонии [34, р. 37].

После 1691 года если плантатор пожелал бы дать свободу рабу, то он был обязан оплатить переезд последнего за пределы Виргинии, следовательно, такие случаи не могли быть частыми. Свободные негры утратили право на ношение оружия, право занимать должности, право нанимать белых слуг и голосовать, а наказания в случае совершенных преступлений для них стали более суровыми, чем для белых. Они не могли собираться в количестве более четырех человек, никто не мог покинуть плантацию и отправиться в путь без письменного разрешения хозяина. У них также сократились возможности выбора работы, создания семьи. Большею частью они попадали в состав батраков или домашних слуг. То была «свобода в оковах» [25, р. 304].

Отряды милиции стали патрулировать дороги для контроля за передвижением чернокожих. Суды стали строго наказывать хозяев, которые позволяли своим рабам появляться за пределами поместий без пропуска. Хозяева, кроме того, прибегали к более суровому режиму эксплуатации. Суббота стала рабочим днем, а некоторые работали даже в воскресенье. Рабочий день стал длиннее, и после его окончания у рабов становилось все меньше времени и сил, чтобы обрабатывать свои собственные участки. Они уже не могли продавать излишки, чтобы купить свою свободу. Рабы стали получать меньше еды, меньше медицинской помощи, их жилища становились все более убогими. В отличие от кабальных слуг, рабы не получали в качестве наказания дополнительные годы службы, рабство стало пожизненным

состоянием, а главным и регулярным наказанием стала плеть. Беглецы рисковали потерять свои пальцы или другие части тела в виде наказания в случае поимки [42, р. 105-135; 45]. Плантаторы, стремясь оправдать такое отношение к неграм, всячески дегуманизировали их, считая рабов более за скот, чем за людей. Такое brutальное отношение не смогло, тем, не менее, сломать волю рабов к свободе и сопротивлению. Крупных восстаний рабов в колониальный период не было, хотя и были отмечены попытки к бунту, заговоры и незначительные волнения в 1722, 1723, 1729, 1730, 1755 и 1767 годах [43, р. 586]. Формы неприятия рабства проявлялись в их отношении к труду. Рабы работали так медленно, насколько это было возможно, распространенной формой сопротивления был побег, несмотря на угрозы физической расправы [57, р. 32].

Когда рабство приняло черты социального института, Виргиния стала социально более стабильной колонией, которой более не угрожал бунт бедных белых, подобный тому, что произошел в 1676 году [19, р. 141-147; 29, р. 83-84; 37, р. 37-43; 40, р. 758; 42, р. 55-79]. Новое законодательство утверждало расовую солидарность белых. Плантаторы средней руки, богатые землевладельцы, даже бедные колонисты, несмотря на огромную разницу в уровне благосостояния, имели теперь одну общую идентичность – расовую. Теперь любой белый имел превосходство над черным [38, р. 386; 51, р. 141-142]. Времена негров, подобных Энтони Джонсону, прошли. Темный цвет кожи прочно стал теперь связан со статусом бесправного раба. Бедные же колонисты из числа наиболее целеустремленных уходили на запад, на границу, где они расчищали лес под новые фермы. Менее амбициозные оставались на уже обжитых территориях, нанимаясь батраками и, подобно черным рабам, не испытывая особой заинтересованности в своем труде, минимизировали свои усилия при работе на хозяина. Уильям Берд жаловался, что сам факт существования черных рабов вызывал комплекс превосходства у белых и разрушал у них всякое трудолюбие, ибо те опасались, что упорно трудясь, они будут также презираемы, как и негры [24, р. 88-89].

Фермеры средней руки были основной массой среднего класса, представители которого составляли значительную долю населения приграничных районов, продолжая непрерывное движение на Запад. В отношении формирования этой группы колонистов для нас является приемлемой позиция историка Томаса Джефферсона Уртенбейкера, который отмечал, что формирование основной прослойки свободного белого населения, именуемого йоменами, плантаторами или фермерами среднего состояния Виргинии проходило в несколько этапов. Первый этап – от начала колонизации 1607 года до 1660-х годов, когда из бедных иммигрантов и освободившихся кабальных слуг постепенно возник класс независимых землевладельцев. Второй этап – период подавления народных свобод в годы второй администрации Беркли. Налоговое бремя привело многих из них на грань разорения. Третий период – с 1676 по 1700 годы, незначительный период роста политического влияния, когда после восстания Бэкона представители среднего класса стремились сдерживать устремления правящей верхушки. Четвертый период – с 1700 года до начала революции, был характерен расслоением среднего класса [53, р. 144-145]. Часть среднего класса приобрела большее политическое влияние и богатство, тогда как многие семьи незначительно изменили свое положение, а другие стали намного беднее. Такое расслоение было результатом активного ввоза черных рабов в Виргинию. Те плантаторы, что изначально имели возможность покупать их, сразу же обретали преимущество над теми, кто полагался на свои силы или мог позволить приобрести небольшое число слуг или рабов [53, р. 207]. Период 1640-1660 гг. в среде современных историков экономики Чезепикского залива именуется «веком малых плантаторов», чему способствовал рост цен на табак и наличие свободной земли [52, р. 131].

Правящий класс в Виргинии вполне сложился к концу XVII столетия. Начиная с 1680 годов, обнаруживаются признаки появления так называемой креольской элиты, то есть политических лидеров, которые были рождены в Виргинии, и это уже во многом обуславливало их отличие от представителей

руководства колонии, назначенных в Лондоне [44, р. 90-95]. Формирование этой прослойки проходило с 1660-е по 1710-е годы. Тот общественный класс, который доминировал в экономической, социальной, политической и культурной жизни Виргинии колониального периода принято называть словом «джентри». Английская элита состояла из пэров, имевших аристократические титулы и членство в Палате лордов (в середине XVIII столетия таких знатных аристократов было только 190) и джентри, не имевших титулов и преобладавших в Палате общин. Их было около 20 тысяч [36, р. 561]. Термин «джентри» сначала применялся только по отношению к английским и ирландским представителям обеспеченных классов, но не принадлежащих к титулованным дворянским родам, обладавшим значительными поместьями и жившим на доходы, получаемые с них. Их земельная собственность обеспечивала им некоторое участие в политической жизни, а также известную праздность, свободу от физического труда. Джентри культивировали «родовитость», наполняя время досуга не только скачками и картами, но и занятиями наукой, музыкой, литературой, что и было знаками принадлежности к категории «джентльменов» [50].

По поводу социального происхождения «первых семей» хронист и историк Роберт Беверли писал в 1705 году: «Во время бунта в Англии несколько семей кавалеров со своим имуществом прибыли сюда, чтобы избежать тирании узурпатора, так же, как и необходимости признавать его титул. Но опять же, после реставрации, многие люди противоположной партии нашли здесь прибежище и укрылись от гнева короля. Последних, впрочем, было немного» [17, р. 232]. Хью Джонс в 1724 году вторил ему: «Достоверные сведения об обширных землях и благоприятном климате побудили некоторых состоятельных джентльменов из приличных семей поселиться вместе с семьями в этом новом раю. Некоторые поступили так из-за стремления к богатству, некоторые из-за религии, другие не могли жить где-либо еще, а кто-то не посмел или не захотел оставаться дома. Важным событием, принудившим их поселиться здесь, была Гражданская война в Англии. Губернатор сэр Уильям

Беркли был на стороне короля и дольше всех среди королевских доминионов, до последнего, противостоял узурпатору» [35, р. 23]. Х. Джонс признает происхождение многих представителей правящего класса колонии от аристократов-роялистов, но не подтверждает массового характера их исхода.

Сергей Бурин отмечал, элита колонии не могла удовлетворить своего тщеславия, и виргинское общество становилось все более иерархичным, доминирование правящей верхушки усилилось к концу XVII века. Богатство сосредотачивалось в узком кругу, а бедные в такой среде становились еще беднее. В период с 1680 по 1775 годы лишь немногие виргинцы сумели подняться над тем социальным статусом, в котором они были рождены [26, р. 383-384]. Правящий класс стал искусственно сдерживать социальную мобильность, повысив налоги, ограничив избирательное право. Кабальные слуги, видя, что их возможности стать независимыми фермерами снижаются, часто стали предпринимать попытки незаконного захвата участков в приграничных районах [1, р. 68].

Сложившуюся форму организации общества многие историки определяют как патриархию, при которой крупный плантатор мог рассматривать себя как главу и покровителя очень большого клана, в который были включены разные группы зависимых от него людей. Степень зависимости определялась уровнем материального достатка. Верхушку представляли крупные плантаторы, владевшие большим количеством рабов [42, р. 197-235]. В графстве Ланкастер примерно половина из трехсот белых мужчин обладала землей. Одна четверть из них владела примерно 100-200 акрами земли, две трети землевладельцев имели рабов, но только одна десятая часть имела десять или более рабов, два процента белого мужского населения обладали более чем двадцатью рабами, что на практике говорило о таком стандарте процветания, который обеспечивал статус джентльмена [33, р. 21].

Интересное свидетельство о существующей иерархии, явно проявившимся в типах жилищ, оставил Х. Джонс: «Дома, в которых проживают джентльмены, построены большей частью из хорошего кирпича, а некоторые из

хорошей древесины, удобные и просторные; простые плантаторы проживают в красивых жилищах из древесины, более аккуратных, чем дома фермеров в Англии. Из древесины также построены дома надсмотрщиков... негры проживают в маленьких лачугах числом по шесть человек в каждой под присмотром надсмотрщика...» [35, р. 36].

Политическое развитие колонии к последним десятилетиям XVII столетия привело к концентрации власти среди нескольких плантаторских семей, таких, как Бёрды, Картеры, Рэндольфы, Ли, Беверли, Мейсоны и др. Эта власть передавалась по наследству от отца к сыну вместе с поместьями, рабами и возможностью вести образ жизни джентльмена, то есть человека, свободного от необходимости зарабатывать средства к существованию тяжелым физическим трудом, пользующегося уважением и в местном церковном приходе, и в колониальной ассамблее [30, р. 61].

Общество колониальной Виргинии складывалось в ходе очень сложных испытаний на протяжении всего XVII столетия. Колонисты претерпевали голод и эпидемии. Недостаток женщин и высокий уровень смертности сказывался на демографической ситуации. Долгое время население колонии росло медленно и не за счет естественного прироста, а только благодаря непрерывному потоку иммигрантов. Происходил конфликт интересов коренных жителей и белых колонистов. Многие, включая белых кабальных слуг и африканских невольников, оказались в колонии против своей воли. У тех же, кто добровольно переселялся в Америку, независимо от сословной принадлежности, были схожие экономические мотивы, Новый Свет представлялся местом, где было больше возможностей в сравнении с Европой реализовать свой экономический потенциал. После бунта Бэкона виргинское общество постепенно стало приобретать стабильность, благодаря расовой солидарности белых, консолидации классов: эксплуатируемых черных рабов, кабальных слуг, независимых фермеров и немногочисленных ремесленников, представлявших средний класс и плантаторскую элиту. Демографическая ситуация улучшилась благодаря выравниванию соотношения мужского и

женского населения, а также постепенной адаптации колонистов к климату Чезепикского залива. При этом фактор свободных земель на Западе при постоянном продвижении колонистов играл важную роль «своего рода отдушины», по выражению А.А. Фурсенко [13, с. 74] в сдерживании классовых конфликтов.

Список литературы:

1. Аптекер Г. История американского народа. Колониальная эра. М., 1961.
2. Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
3. Бурин С.Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642-1763). М., 1980.
4. Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. М., 1993.
5. Ефимов А.В. Очерки Истории США, 1492-1870. От открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1958.
6. История США. Том первый. 1607-1877 / Под. ред. Севостьянова Г.В. М., 1980.
7. Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М. 1963.
8. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут, 1606-1642. М., 1978.
9. Согрин В.В. Демократия в Америке. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.
10. Согрин В.В. Политическая история США. М., 2001.
11. США в Новое Время: Общество, государство и право XVII-XVIII вв. Сборник документов к спецпрактикуму для историков-магистров // Сост., пер. и коммент. Т.В. Алентьевой и М.А. Филимоновой. Курск, 2011.
12. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV- начало XIX в.). Л., 1965.

13. Фурсенко А.А. Американская и французская революции XVIII в. // Вопросы истории. 1972. № 11.
14. American Journey: A History of the United States. A Combined Volume. Prentice Hall, 2003.
15. Bailyn B. Politics and Social Structure in Virginia // Seventeenth Century America: Essays in Colonial History. Chapel Hill, 1959.
16. Berlin I. Many Thousands Gone: The First Two Centuries of Slavery in North America. Cambridge, 1998.
17. Beverley R. The History and the Present State of Virginia. Richmond, 1855.
18. Billings W.M., Selby J. E., Tate T.W. Colonial Virginia: A History. NY, 1989.
19. Breen T. Puritans and Adventurers: Change and persistence in Colonial America. NY, 1980.
20. Brown K. Good Wives, Nasty Wenches, Anxious Patriarchs. Gender, Race and Power in Colonial Virginia. Chapel Hill, 1996.
21. Brown R., Brown K. Virginia 1705-1786: Democracy or Aristocracy? NY, 1964.
22. Bruce P. A. Social Life in Virginia in the Seventeenth Century. Richmond, 1907.
23. Carr L.G., Walsh L.S. The Standard of Living in the Colonial Chesapeake // The William and Mary Quarterly. 1988. Vol. 45, No. 1.
24. Colonel William Byrd on Slavery and Indentured Servants, 1736, 1739 // The American Historical Review. 1895. Vol. 1. No. 1.
25. Deal D. A Constricted World. Free Blacks on Virginia's Eastern Shore, 1680-1750 // Colonial Chesapeake Society / Ed. by L.G. Carr, J.B. Russo, P. Morgan. Chapel Hill, 1988.
26. Fischer D.H. Albion's Seed. Four British Folkways in America. NY, 1989.
27. Foundations of Colonial America: A Documentary History / Ed. by W. Kavenagh. NY. 1973. Vol. 3.

28. Greene J.P. *Political Life in the Eighteenth Century Virginia*. Williamsburg, 1986.
29. Green J.P. *The Pursuits of Happiness: The Social Development of Early Modern British Colonies and the Formation of American Culture*. Chapel Hill, 1988.
30. Heinemann R.L., Kolp J.G., Parent Jr. A.S., Shade W.G. *Old Dominion, New Commonwealth: A History of Virginia, 1607-2007*. Charlottesville, 2007.
31. Horn J. *A Land as God Made it. Jamestown and the Birth of America*. NY, 2006.
32. Horn J. *Adapting to a New World. English Society in the Eighteenth Century Chesapeake*. Chapel Hill, 1994.
33. Isaac R. *Transformation of Virginia, 1740-1790*. Chapel Hill, 1982.
34. Ivanov R. *Blacks in the United States*. Moscow, 1985.
35. Jones H. *The Present State of Virginia*. NY, 1865.
36. Kishlansky M., Geary P., O'Brien P. *The Unfinished Legacy. A Brief History of Western Civilization*. NY, 1993.
37. Kulikoff A. *Tobacco and Slaves. The Development of Southern Cultures in the Chesapeake, 1680-1800*. Chapel Hill, 1986.
38. Morgan E. *American Slavery, American Freedom: The Ordeal of Colonial Virginia*. New York, 1975.
39. Morton R.L. *Colonial Virginia*, Chapel Hill, 1960.
40. Nelson W.E. *Law and the Structure of Power in Colonial Virginia* // *Valpariso University Law review*. 2014. Vol. 48. No. 39.
41. Nettels C. *The Roots of American Civilization: A History of American Colonial Life*. NY, 1938.
42. Parent A.S. *Foul Means: The Formation of a Slave Society in Virginia, 1600-1740*. Chapel Hill, 2003.
43. Rothbard M.N. *Conceived in Liberty*. Auburn, 2011.
44. Shammass C. *English Born and Creole Elite at the Turn of the Century Virginia* // *The Chesapeake in the Seventeenth Century: Essays on Anglo-American Society* / Ed. by Ammerman D., Tate T. Chapel Hill, 1979.

45. Slavery and Law in Virginia [Электронный ресурс] // The Colonial Williamsburg Foundation [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/Yh3o6X> (дата обращения: 12.05.2018).

46. Stanard M. Colonial Virginia, Its People and Customs. Philadelphia, 1917.

47. Talpalar M. Sociology of Colonial Virginia. NY, 1960.

48. Taylor A. American Colonies. NY, 2001.

49. The American Promise: A History of the United States. A Combined Volume. Vol. 1: to 1877. Boston, NY. 2002.

50. Tillson A.H. Gentry in Colonial Virginia [Электронный ресурс] // Encyclopedia Virginia [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/CPjBh5> (дата обращения: 12.05.2018).

51. Vaughan A.D. Roots of American Racism. Essays on the Colonial Experience. NY, 1995.

52. Walsh L. Motives of Honor, Pleasure and Profit: Plantation Management in the Colonial Chesapeake, 1607-1763. Chapel Hill, 2010.

53. Wertenbaker T.J. Patrician and Plebeian in Virginia or the Origin and Development of the Social Classes in the Old Dominion. Charlottesville, 1910.

54. Wertenbaker T.J. Planters of Colonial Virginia. Princeton, 1922.

55. Winthrop J. A Modell of Christian Charity//Collections of Massachusetts Historical Society. Boston, 1838. 3rd series.

56. Wright L.B. The Atlantic Frontier: Colonial American Civilization, 1607-1763. Itaca, 1959.

57. Zinn H. A People's History of the United States. NY, 2003.

Сведения об авторе:

Востриков Павел Вячеславович – соискатель кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Курск, Россия).

Data about the author:

Vostrikov Pavel Vyacheslavovich – graduate student of the General History Department, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: Sortavala2015@inbox.ru.